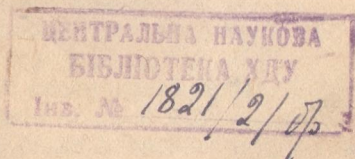

1821/09

В ФАШИСТСКОМ АДУ

РАССКАЗЫ
СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ,
ПОБЫВАВШИХ
В ГИТЛЕРОВСКОЙ
НЕВОЛЕ

ОГИЗ · ГОСПОЛИТИЗДАТ · 1943

59

145

СОДЕРЖАНИЕ

АРМИЯ УБИЙЦ И НАСИЛЬНИКОВ	3
В ПЛЕНУ У НЕМЦЕВ	7
ПОДНИМАЙТЕСЬ ВСЕ НА АКТИВНУЮ ОСВОБОДИ-	
ТЕЛЬНУЮ БОРЬБУ ПРОТИВ НЕМЦЕВ	8
ЧТО НАТВОРИЛИ НЕМЦЫ В НАШЕЙ РОДНОЙ ВЯЗЬМЕ	10
ЛЮТЫЕ ЗВЕРИ	12
«НОВЫЙ ПОРЯДОК» В СЕЛЕ СИНЕВО	14
Я ВИДЕЛА	18
ФАНЕРНАЯ БИРКА С НОМЕРОМ	20
ГИТЛЕРОВСКИЕ ЗВЕРИ	22
В ФАШИСТСКОМ АДУ	23
КРАСНАЯ АРМИЯ СПАСЛА НАС	25
ЧТО ТВОРЯТ ГИТЛЕРОВСКИЕ РАБОВЛАДЕЛЬЦЫ НА	
УКРАИНЕ	27
МЫ ВЫРВАЛИСЬ ИЗ ФАШИСТСКОГО ПЛЕНА	31
НА КАТОРГЕ В БРАНДЕНБУРГЕ	33
ТЫСЯЧИ МОИХ СВЕРСТНИКОВ ЖДУТ ОСВОБОЖДЕ-	
НИЯ	36
ЛАГЕРЬ РАБОВ	37
ПАЛАЧИ	40
ЧТО Я ПЕРЕЖИЛ В ДРЕЗДЕНЕ	44

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНО-БИБЛИОТЕКА ХИИ
Инв. № 1821/1/69

Редактор Б. Биндер.

Подписано в печать 19 августа 1943 г. А2767. Объем
Тираж 50 000 тыс. экз. Заказ № 1282.
Цена 50 коп.

3-я тип. «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «
книга». Москва, Краснопролетарская, 16;

V.N. Karazin Kharkiv National University

00462483

Сборник составлен по материалам;
опубликованным в советской печати

АРМИЯ УБИЙЦ И НАСИЛЬНИКОВ

*Рассказ работницы фабрики «Красная поляна»
Ефимии Никитичны Лачиной на встрече
с рабочими и работницами Красной Пресни в Москве.*

Товарищи! Я не умею делать доклады. Но то, что я видела, что мы испытали у немцев, заставит заговорить и мёртвого. Не избежать врагу страшной расплаты, всех истребим. Мы никогда не знали в себе раньше такой ненависти и озлобления. Её принесли нам они, наши мучители, людоеды, проклятые фашисты!

Открылись наши глаза, и мы по-новому, ещё больше оценили жизнь нашу, нашу родную советскую власть, порядки наши, партию и всех людей, которые установили эти порядки, ибо мы жили своей человеческой жизнью, строили её и берегли, как мать родную.

Мы не знали, какие на земле есть злодеи и на что они способны. Теперь мы их узнали, хорошо узнали, в рожи их поганые смотрели. Плевать хотелось в эти наглые, бесстыжие рожи. От них за версту несло поганой скотиной.

Когда они приближались к нашим местам, мы на всякий случай были наготове: ходили с сумочками за плечами, всё необходимое носили при себе. Немцы ворвались к нам и начали палить без разбора по нашим домам, по мирным

жителям. Обступили нашу фабрику, начали всё корёжить, выбивать стёкла, двери открывали прикладами — руками отворять не хотелось. Вот тут-то и встретились мы с ними, проклятыми. Вшивые, грязные, на сапогах 40 подков (для страху, что ли?). На голове — тряпки. Сапоги обёрнуты тряпками.

Спрашивают, где сахар, где масло, где кушать — всё давай. Как звери, набросились они на наши сумки, всё отняли.

С утра понаехало столько немцев, что на одного жителя приходилось по 5—8 грабителей. В одном доме четверо мерили одно женское пальто. Тот, кому оно досталось, оторвал рукава, надел пальто под шинель, а рукава отдал другому, который стал примерять их на ноги.

Ходили они одетые, как пугала. Даже занавески, полотенца и кружевные покрывала ухитрялись нацеплять на свои головы, на танки, чтобы маскироваться от нашей авиации. Как ни горько бывало, а не могли мы подчас удержаться от смеха.

— Ряженные едут! — кричали мальчишки.

Они ходили, выбирали хорошие дома, чтобы там чисто было и чтобы красивые женщины были. Вошли в один дом, в квартиру Д., а там 14-летняя Аня Д. и её мать. Мать в дочке души не чаяла, любила, холила. Выгнали мать на улицу, изнасиловали девочку. Когда Красная Армия освободила нас, больную девочку положили в больницу города Орехово-Зуева. Немцы изнасиловали девушек И., Р. и жену рабочего К.

Мы раньше не верили всему этому: разве можно, мол, человеку дойти до такого зверства! Теперь убедились.

Пожирали эти скоты всё — кур, овец, телят... Я не видела такого обжорства. По целой корове

съедали враз. Приходят в дом несколько человек к хозяину, зарежут его корову.

— Топи и вари...

И начинают жрать. Наедятся.

— Таскай вода. Мы хотим здесь баня делать.

Раздеваются в присутствии женщин, детей, приказывают мыть их, обмывать ноги. Господи, сколько мерзости во всём этом! Душа вся наизнанку выворачивалась.

Дровами немцы не хотели топить. Они брали свои тесаки, раскалывали гардеробы, комоды, этажерки и всё жгли.

Мы жили в котельной. Нас там было около 2 тысяч человек. Мы пухли от голода, но потом стали потихоньку выходить. Увидели — ужаснулись. Они разрушили наши школы, ясли, больницу, разорили наши жилища, разграбили наше имущество. В одной школе они собрали 170 своих же тяжело раненных и взорвали её. А перед тем как отступать, они загоняли в дома пойманных на улице людей, бросали в окна бомбы и какие-то коричневые штуки, чтобы взорвать и поджечь эти дома.

Нашим мучениям и разорению не было бы конца. Уже появились предатели. Нашлись такие. Одна, гадюка, когда пришли за её коровой, закричала:

— Не убивайте корову. Я покажу, где спрятали 19 красноармейцев.

И выдала красноармейцев, которых тут же расстреляли. А корову её всё равно зарезали и её, гадину, тоже убили, только не немцы, наверно.

Мученья и горе наше всё росли. С часу на час ожидалось прибытие карательного отряда. Каратели стали бы расстреливать каждого второго.

Но тут подошли части нашей Красной Армии. Восемь дней бились. Как жадно мы следили за боем! Рассказать и описать невозможно. Мы почти криком кричали, ребятишки улюлюкали, когда немцы, завидя наш самолёт, трусливо разбегались. Один раз над нами бился наш лётчик с четырьмя фашистами. Он сбил одного. Мы стали хлопать и кричать «ура», а немцы принялись за это в нас стрелять. Несколько человек ранили, но мы не переставали следить за боем. Наш самолёт всё отбивался от вражеских стервятников и вдруг камнем пошёл вниз. Мы были в ужасе. Думали, подбили его, но совсем неожиданно оказалось, что это он пикировал. Он спикировал над самым штабом и сбросил бомбы. Штаб щепками полетел к чортовой бабушке, а мы вместе с детьми плакали и смеялись, радуясь удивительной храбрости лётчика.

Когда немцы хоронили своих убитых, они делали на могиле надпись: «Здесь схоронен Адольф Кранц или Ганс Курц», и 30—40 колышков поставят на могиле. Что такое, думаем, зачем эти колышки? Раскопали могилу, и оказалось, что каждый колышек обозначает человека, положенного в могилу. Вот и выходит: по 30—40 человек в могиле.

Немцы все до одного будут лежать в могиле на нашей земле. И будет им общая, одна на всех вывеска: «Здесь похоронен Адольф Гитлер».

Товарищи! У нас есть и будут большие трудности, пусть самые тяжёлые. Мы всё перенесём и всё преодолеем. Всё мы наживём сызнова и опять из разорённых будем богатыми. Такая уж у нас страна, такие уж у нас люди!

В ПЛЕНУ У НЕМЦЕВ

Рассказ работницы Сталинградского тракторного завода Марии Сидоровны Ульяновой, Елизаветы Гавриловны и Евдокии Тимофеевны Шубиных и Нины Елизаровны Сучалиной.

Заняв посёлок, где мы жили, немцы сразу же приступили к массовому грабежу, избиениям и пыткам оставшегося населения. Это был неопи-суемый кошмар. Солдаты врываются в квартиры, грабили вещи, хватали всё съестное и здесь же дрались между собой, деля награбленное. За ними шли их начальники, организованно отбирая продукты питания, копались в вещах, забирая то, что им нравилось. У Е. Г. Шубиной немецкий офицер стащил с ног валенки, а солдатам приказал забрать всю домашнюю утварь, обувь и детскую одежду.

Малейшее сопротивление немецким приказам каралось смертью. На глазах у всех жителей посёлка была расстреляна женщина, которая не выполнила в срок приказа и не ушла из своего дома. Солдаты волоком оттащили труп к помой-ной яме, за ручонку приволокли её кричащего ребёнка и вместе с матерью — живого! — засы-пали землёй.

В конце октября был объявлен приказ об эвакуации всего населения в тыл. М. С. Улья-нова в это время была тяжело больна. Когда она обратилась за медицинской помощью к не-мецким санитарам, они её грубо обругали и вы-толкали из помещения. Комендант потребовал, чтобы Ульянова немедленно оставила посёлок. На помощь пришли соседки. Они погрузили Марию Сидоровну на тележку и повезли с со-бой.

По дорогам, ведущим в тыл, шло много местного населения. Питаться приходилось собранным на полях зерном и мясом дохлых лошадей.

Всех эвакуированных собрали в Верхне-Чирской. Эта станица считалась у немцев глубоким тылом, и здесь они чувствовали себя полными хозяевами. В сохранившихся помещениях веселились и пировали офицеры.

А мы попрежнему жались у стен, голодные и иззябшие, лохмотьями прикрывая своих ребятшек. Около пяти суток жили под открытым небом, на морозе. Многие замёрзли, остальные со дня на день ожидали такой же участи. Вдруг немцы стали поспешно собираться, беспокойно бегать и лихорадочно строить укрепления. По всему видно было, что их глубокий тыл не так уж глубок. У нас радостно билось сердце, душа наполнялась надеждами на возможность скорого освобождения. И вот мы освобождены! Там, где хозяйничали немцы, теперь снова восстановлена советская власть.

ПОДНИМАЙТЕСЬ ВСЕ НА АКТИВНУЮ ОСВОБОДИТЕЛЬНУЮ БОРЬБУ ПРОТИВ НЕМЦЕВ!

*Речь Евгении Коровиной, врача города Курска,
на митинге советской молодёжи в Москве
2 мая 1943 г.*

Пятнадцать долгих месяцев я пробыла в оккупированном Курске. Мне довелось испытать страшное иго немецких угнетателей. Трудно передать вам, что я видела и пережила за это время.

Сперва я боялась выходить из дому. Потом решилась. Первое, что я увидела, была дикая

расправа. На улице Дзержинского немецкий офицер тростью нещадно избивал русскую девушку и рвал из её рук узел с вещами. Бил зверски на улице, при всех, бил, как собаку. Мне стало страшно. Я свернула на Ленинскую улицу. Около здания медицинского института лежало двадцать человек расстрелянных. Несчастные жертвы пролежали на улице в центре города две недели. Немцы запретили их хоронить.

Я врач. На моих глазах умирали тысячи людей от голода, болезней, побоев и пыток. Среди детей вспыхнула эпидемия дифтерии. Детишек можно было бы спасти. Для этого нужна была лечебная сыворотка. У немцев сыворотка была, но русским они её не давали. Они говорили: пусть мрут.

Чудовищное злодеяние учинили фашистские убийцы в Сапоговской больнице. Сначала они разграбили склад продовольствия. Больных людей они умышленно обрекли на мучительную, голодную смерть. От голода умерло 850 человек. Этого извергам показалось мало. Остававшихся ещё в живых 550 больных они отравили.

Пусто, жутко, как в могиле, стало в нашем милом, родном Курске. Куда ни глянешь — всюду надписи: «Русским вход воспрещён — расстрел». Мы опасались громко говорить, ходить по улицам. Только и слышишь немецкий окрик: «Рус, вэг!» — «Прочь с дороги, русский!»

Город был наводнён полицейскими, гестаповцами, сыщиками.

Несмотря на жестокий террор, советские люди не прекращали борьбы против немцев. Казалось бы, что могут сделать безоружные работники больницы? Но и мы помогали Красной Армии: прятали и лечили раненых советских лётчиков и

красноармейцев, а потом переотправляли их к партизанам. Мы помогали бежавшим военнопленным проходить линию фронта, снабжали их гражданской одеждой, документами.

В своём первомайском приказе товарищ Сталин сказал: «Близится время, когда Красная Армия совместно с армиями наших союзников сломает хребет фашистскому зверю».

Братья и сёстры, ещё изнывающие под игом немецких угнетателей! Мужайтесь и боритесь! Поднимайтесь все на активную освободительную борьбу против немцев! Каждый из вас должен выполнить приказ Верховного Главнокомандующего, помочь всеми силами Красной Армии в её борьбе с гитлеровскими поработителями!

ЧТО НАТВОРИЛИ НЕМЦЫ В НАШЕЙ РОДНОЙ ВЯЗЬМЕ

*Рассказ жителей Вязьмы В. Колобовой,
В. Кузьмина, Т. Степановой, С. Степановой,
А. Тимофеевой, Т. Хведоровской.*

Немцы отступая разрушили наш родной город Вязьму.

При советской власти Вязьма стала культурным городом, в котором бурлила жизнь. Вот что было в нашем городе до немецкой оккупации.

Работал кожевенный завод, три маслозавода, на которых было занято до двух тысяч рабочих, льночесальная фабрика с полуторатысячным рабочим коллективом, два хлебозавода, элеватор, мясокомбинат, научно-инструментальный завод, электростанция, большое железнодорожное депо, типография, фабрика-кухня, большое количество предприятий промысловой кооперации.

Немцы при отступлении из города взорвали и уничтожили все жилые здания, превратили весь город в руины. Они взорвали все маслозаводы, научно-инструментальный и кожевенный заводы, оба хлебозавода, элеватор, городской водопровод. Оборудование электростанции они увезли, а здание разрушили. Взорвана типография, льночесальная фабрика и все мелкие предприятия.

Уходя под ударами наших войск, гитлеровцы взорвали и предали огню исторический музей, центральную библиотеку, читальню, музыкальную школу, Дом колхозника, разграбили всё музейное имущество, уничтожили медицинский техникум, педагогический институт, четыре школьных здания, театр, кинотеатр.

В городе работали две больницы, амбулатория, два детдома, имелось большое количество яслей. Всё это уничтожено.

По переписи 1938 г. в городе насчитывалось 49 тысяч жителей. Немцы жестоко и планомерно проводили свою чудовищную политику истребления мирного советского населения. Население от 13 до 60 лет немцы угнали в Германию, на фашистскую каторгу. Многих жителей Вязьмы они замучили пытками, расстреляли, повесили. Немцы повесили Дмитрия Александровича Капелькина, Павла Ивановича Троицкого, 65-летнего старика Мурзатова, отрезав ему предварительно нос, уши, язык и выколов глаза, и многих других. Расстреляны врач Михаил Леопольдович Нурик, его сестра учительница Нурик, учительница Александра Баранова, Анна Гуренкова, Василий Гуренков и многие другие мирные советские люди. Многие умерли от голода, лишений. Теперь в Вязьме осталось не более 2 тысяч жителей.

Вот что натворили немцы в нашем городе. Неисчислимы их злодеяния. Развалины Вязьмы, кровь замученных гитлеровцами вязьмитчей зовут к беспощадной мести.

ЛЮТЫЕ ЗВЕРИ

Рассказ колхозницы Екатерины Ивановны Макаровой из села Захарово, Клинского района, рабочих и работникам московского завода «Искра».

Я вам расскажу, товарищи, как умею, сущую правду о наших мучениях, о горе нашем, о зверствах и бесчинствах, об всём, что пришлось нам пережить за время хозяйничанья немецких бандитов.

Три недели глумились над нами немцы. Ни днём, ни ночью не видели мы покоя. Вспомнишь эти дни, и сердце кровью обливается.

Как голодные собаки, ворвались проклятые немцы в наше село. Не успели обогреть свои вшивые кости, как начали хапать всё, что попало на глаза. Сначала порезали колхозный скот, выгребли все хлебные амбары, а потом стали рыскать по дворам и хатам. У меня они взяли всё — бельё, хлеб, посуду, детскую одежду, даже ёлочные украшения, что остались от прошлых лет. Вот проды!

Но на том дело не кончилось. Через несколько дней ко мне в дом снова вломилась немчура и потребовала лампу с керосином.

Нет, говорю, у меня лампы, и сама головой машу: нет, мол. Русской-то речи они не понимают.

Начали фашисты тогда топтать ногами, что-то лопотать, кричать, а потом подошёл ко мне один мерзавец и ударил кулаком по лицу. Я упала, из носа потекла кровь. Ребята мои залились горь-

кими слезами, все кричат: «Мамка, мамка!» Младшего сына немцы тут же отшвырнули в сторону, он полетел под лавку и до крови разбил себе лоб. Вся тряслась я от обиды и ненависти, но вытерпела: жалко ребят было сиротами оставлять, а то загрызла бы гадов.

У одного нашего колхозника, Groшенкова Ивана Алексеевича, была поставлена корова в закут. Groшенков тайком ходил кормить её и доить. Узнали про это немцы. Поздней ночью пришли они к Ивану Алексеевичу и потребовали корову. Он попробовал было протестовать. Его до полусмерти избили, шубу с плеч сняли, отняли валеные сапоги, а корову пристрелили.

Была у нас в селе колхозница Валюгина, бабой Дуней звали мы её. Справедливая старуха, в колхозе хорошо работала. Ей очень нездоровилось, она пришла из землянки в свою хату и залезла на печь. Увидели разбойники на бабе Дуне тёплую шубу и заставили снять. Она, конечно, просила, молила: ведь шуба-то у неё была последняя, остальное всё отобрали ещё в первые дни. Тогда немцы стащили старуху с печи, содрали шубу. Ходила бабушка жаловаться к их офицеру. Но тот над ней только поизмывался и выгнал. На следующий день бабу Дуню грабители застрелили.

Рядом с нашим селом есть деревня Меленки. Там проклятые гитлеровцы заперли в холодный сарай группу пленных красноармейцев. Когда наша Красная Армия выгоняла немцев из деревни, немецкие бандиты подожгли сарай с пленными красноармейцами, а чтобы люди не выбрались из сарая, немцы припёрли двери телегами. Так и сожгли людей живьём.

Село наше было богатое, колхоз у нас давнишний, крепкий. А вот сейчас села не узнать.

Было у нас 150 домов, дворы и сараи. Немцы подожгли село. Сгорело 62 дома, 28 сараев с клевером. Колхозное добро попортили, окаянные, сожгли наш колхозный молотильный навес, сеялку, льнотеребилку, поломали все плуги, порвали сбрую.

А сколько небылиц городили немцы о Москве! Они говорили: «Москва — капут». Мы, конечно, не верили этой брехне, знали, что скоро придёт им «капут», извергам. Так оно и вышло.

Мы видели, как улепётывали фашисты из нашего села. Умеют удирать, подлецы! Но не всем им удалось удрать-то, не многие спасли свою шкуру: за околицей да и на улицах самого села лежали сотни вшивых немецких трупов. Лежат мёртвые, и в скрюченных пальцах узелки с награбленным нашим добром. А машин, снарядов да разного вооружения что побросали немцы — не счесть!

Теперь мы снова в советской семье. Село восстанавливаем, а чёрных дней вовек не забудем.

«НОВЫЙ ПОРЯДОК» В СЕЛЕ СИНЕВО

*Рассказ Анны Родионовны Тумановой,
жительницы села Синёво, работницам Н-ской
швейной фабрики.*

Когда последние отряды красноармейцев вышли за нашу деревню, из одного дома выбежал инвалид Колесников.

— Постойте, постойте, товарищи! — кричал он уходящим. — Убейте меня, не хочу оставаться с проклятыми людоедами, не хочу я костылять под пятой поганой немчуры...

Поднялась стрельба, рвались снаряды, на деревню посыпались бомбы и листовки.

«Граждане, — писали в них немцы, — мы идём

к вам не как врага, а как освободители... Вы будете теперь с богом. Да оживёт священная Россия. Да восторжествует новый порядок на вашей земле!..»

— Господи! — молились старушки. — Неужто ты не разразишь этих чужеземных злодеев?..

Утром немцы вытащили старух из погребов, где они прятались, и поставили вместе со всеми в строй. Осматривали, кто чем богат. С бабки Аграфены стащили валенки. Они были новые, хорошие. Старушка сморщилась и горько заплакала. Не так жалко было валенок, как обидно. Ведь никогда ей, старой, так грубо не оскверняли душу. Уже сколько лет при советской власти уважают её старость.

Немцы продолжали грабить. С каждого что-нибудь снимали: с кого шубу, с кого шаль... У бабки Настасьи шуба плоха, — отодрали с неё облезлый лисий воротник. Бабка только и успела ахнуть: «Да, господи, на что ж он вам нужен-то!» Солдат молча засунул воротник за пазуху. Бабушка Настасья, словно ощипанная курица, стояла без воротника и не знала, что ей ещё сказать. Она не могла понять того, что происходит.

А немцы уже тащили из домов машины, пенины, половики, сковороды, самовары, подушки, чашки. Один даже держал в зубах цедилку для молока, потому что руки его были заняты тазом и самоварной трубой. Таз пристроили на крыше легковой машины. В него ввалили пенину и самоварную трубу... На фару одной машины повесили детского плюшевого медвежонка.

— Ну, завоевали... — горестно заметил Колесников. — Трофеи знатные!

Кто-то из жителей подошёл к немцу и пока-

зал ему листовку, в которой сказано об «освободительных намерениях» немцев. Немец показал листовку другому. Оба засмеялись.

— Вот что, — сказал офицер, бросая клочки разорванной листовки и обращаясь к народу: — ваше дело работай, наше дело приучай вас новый порядок. Вот всё. Жалоб чтобы нет. Прошу выполнять.

Начали отбирать мужчин на работы. Набрали трёх стариков, одного 14-летнего мальчишку и инвалида Колесникова прихватили. Бабка Аграфена, видно, не разобрав указание «жалоб чтобы нет», подошла к офицеру, рассказала об отнятых валенках и пожаловалась:

— Не видала я прежде такого грабежа.

Офицер ошетинился:

— Взять! — указал он на старуху. — И бить её валенком по морде.

Старуху били по лицу и голове. Она лежала без чувств и не вставала.

Вечером загнали нас, жителей деревни, в один маленький дом, размером 6 на 6, что на краю села. Окружили конвоем. Запретили выходить.

— Вы и вы, — указал немец на меня и жену моего брата, — пойдете спать к немецкому солдату.

— Ни за что мы не пойдём, — ответила я и вся задрожала от гнева.

— Пойдешь! А не пойдешь, — через 10 минут расстреляем.

— Ну что ж, расстреливайте. Мы не пойдём.

— Хорошо, — сказал немец, — запомним! — И потом, обращаясь к одной нашей гражданке Н., заявил:

— Вы пойдёте спать к немецкому солдату и вы, — при этом он указал на её дочь.

Под угрозой расстрела Н. и её плачущая

дочка пошли из избы. Вернулись они под утро, поруганные и заплаканные, не зная, куда себя деть, что с собой сделать.

Утром около маленького дома стояли 13 плен-ных красноармейцев. Они сооружали виселицу. Головы их были покрыты тряпками, старыми клеёнками. У многих видны были голые колени и красные мёрзнувшие ноги. Троицким завязали назад руки, заставили влезть на узкий стол, сто-ящий под перекладиной. Одному нехватило ве-рёвки — пристроили на перекладину колхозные вожжи.

— Я умираю, — сказал в гробовом молчании один из приговорённых, — умираю за наш совет-ский народ, за свою родину!

Эхо разнесло его слова вокруг, запали они глубоко в сердца советских людей. За эти сло-ва, за «пропаганду» его лишили виселицы. Бойца вынули из петли, положили головой на камень-валун и били по голове деревянным молотком.

На убитых и повешенных прикрепляли фанеру с надписями: «Так будет со всеми, кто не хо-чет нового порядка».

Но вот чёрная свора, звериная стая Гитлера совсем взбесилась. Ей был нанесён смертельный удар, и она заметалась в дикой злобе. В де-ревню Синёво согнали тысячи людей — женщин с детьми, стариков, старух. Ночью всех оставили ночевать на морозе.

Утром немцы выгнали всех из деревни и по-дожгли её. Когда весь народ был выгнан из деревни, женщины с детьми заявили немцам, что итти они больше не могут.

— Кто имеет живые дети, — объявил офи-цер, — тот выйдет вперед.

Все сгрудились около офицера. Тогда по его приказанию в реке вырубили прорубь, и солдаты,

зал ему листовку, в которой сказано об «освободительных намерениях» немцев. Немец показал листовку другому. Оба засмеялись.

— Вот что, — сказал офицер, бросая клочки разорванной листовки и обращаясь к народу: — ваше дело работай, наше дело приучай вас новый порядок. Вот всё. Жалоб чтобы нет. Прошу выполнять.

Начали отбирать мужчин на работы. Набрали трёх стариков, одного 14-летнего мальчишку и инвалида Колесникова прихватили. Бабка Аграфена, видно, не разобрав указание «жалоб чтобы нет», подошла к офицеру, рассказала об отнятых валенках и пожаловалась:

— Не видала я прежде такого грабежа.

Офицер ошетинился:

— Взять! — указал он на старуху. — И бить её валенком по морде.

Старуху били по лицу и голове. Она лежала без чувств и не вставала.

Вечером загнали нас, жителей деревни, в один маленький дом, размером 6 на 6, что на краю села. Окружили конвоем. Запретили выходить.

— Вы и вы, — указал немец на меня и жену моего брата, — пойдете спать к немецкому солдату.

— Ни за что мы не пойдём, — ответила я и вся задрожала от гнева.

— Пойдешь! А не пойдешь, — через 10 минут расстреляем.

— Ну что ж, расстреливайте. Мы не пойдём.

— Хорошо, — сказал немец, — запомним! — И потом, обращаясь к одной нашей гражданке Н., заявил:

— Вы пойдёте спать к немецкому солдату и вы, — при этом он указал на её дочь.

Под угрозой расстрела Н. и её плачущая

дочка пошла из избы. Вернулись они под утро, поруганные и заплаканные, не зная, куда себя деть, что с собой сделать.

Утром около маленького дома стояли 13 плен-ных красноармейцев. Они сооружали виселицу. Головы их были покрыты тряпками, старыми клеёнками. У многих видны были голые колени и красные мёрзнувшие ноги. Троим завязали назад руки, заставили влезть на узкий стол, стоящий под перекладиной. Одному нехватило верёвки — пристроили на перекладину колхозные вожжи.

— Я умираю, — сказал в гробовом молчании один из приговорённых, — умираю за наш советский народ, за свою родину!

Эхо разнесло его слова вокруг, запали они глубоко в сердца советских людей. За эти слова, за «пропаганду» его лишили виселицы. Бойца вынули из петли, положили головой на камень-валун и били по голове деревянным молотком.

На убитых и повешенных прикрепляли фанеру с надписями: «Так будет со всеми, кто не хочет нового порядка».

Но вот чёрная свора, звериная стая Гитлера совсем взбесилась. Ей был нанесён смертельный удар, и она заметалась в дикой злобе. В деревню Синёво согнали тысячи людей — женщин с детьми, стариков, старух. Ночью всех оставили ночевать на морозе.

Утром немцы выгнали всех из деревни и подожгли её. Когда весь народ был выгнан из деревни, женщины с детьми заявили немцам, что итти они больше не могут.

— Кто имеет живые дети, — объявил офицер, — тот выйдет вперёд.

Все сгрудились около офицера. Тогда по его приказанию в реке вырубили прорубь, и солдаты,

выхватив у женщин двух детей, понесли их к проруби.

Дикий ужас охватил всех. Многие падали в обморок. Морозная вода унесла малюток: восьмимесячного и полуторогодовалого. Одна мать сошла с ума. Её немец пристрелил в упор из автомата...

Будь он трижды проклят, этот «новый порядок»! Будь прокляты и истреблены навеки дикие, взбесившиеся фашистские изверги! Пусть подохнут они от чудовищных преступлений, которые творят на нашей земле!

Я ВИДЕЛА

Рассказ комсомолки К. из деревни Орловки, Краснохолмского сельсовета, Демидовского района, Смоленской области.

С ужасом вспоминаю я о том, что видела в деревнях на Смоленщине. Немецкие варвары согнали женщин и детей в сарай и подожгли его, затем они поехали в деревню Касплю и собрали там всё население. Мужчин поставили в ряд, выбрали пятерых женщин, и их тоже поставили в ряд. А остальных женщин и детей загнали в хату и забили её. Немецкие варвары забросали эту хату гранатами, а потом подожгли её.

Мужчины и пятеро женщин вынуждены были стоять и смотреть, как гибли их дети, близкие. Затем, когда покончили с женщинами и детьми, один из немцев подошёл к оставшимся в живых и нагло спросил: «Гут?»

Ему никто не ответил. Оставшихся в живых мужчин и женщин заставили копать яму. Когда яма была готова, мужчин поставили на краю и начали расстреливать. Расстреливали по четыре

Отец и мать нашли тело сына

человека. Ещё живые, они падали в яму, а из-верги ставили новых четырёх, вновь стреляли, и те падали на раненых, умирающих, ещё шевелившихся на дне ямы. Пятерых женщин немцы нарочно оставили в живых, чтобы те рассказывали, как людей расстреливают «за связь с партизанами». Деревню Касплю немцы подожгли.

Многое пришлось мне увидеть и пережить в оккупированных немцами деревнях Смоленщины. Ворвавшись в деревню Тяполово, Тяполовского сельсовета, Духовщинского района, немецкие бандиты, собрав население в одно место, стали требовать тёплые вещи. Население отказалось сдавать вещи. Тогда гитлеровцы пошли по домам и стали грабить. На глазах у детей немцы убивали их матерей, пытавшихся уберечь своё добро от грабителей.

Немцы брали всё, вплоть до детских рубашонков.

Затем немецкие варвары собрали всех девушек и стали сажать их в машины. Две девушки-комсомолки, Нина и Поля, отказались сесть в машину и ехать с немецкими бандитами; тогда немцы облили их керосином и подожгли. В нечеловеческих муках погибли советские девушки. Я видела сожжённые трупы Поли и Нины. Остальных девушек гитлеровцы отвезли неизвестно куда.

ФАНЕРНАЯ БИРКА С НОМЕРОМ

Рассказ колхозников Бельского района, Смоленской области.

Все взрослые жители и подростки нашего района были взяты немцами на строгий учёт. Для этого была проведена регистрация населения. Каждому жителю выдали свидетельство, в кото-

ром указывались его приметы, и фанерная бирка с номером. Эти позорные бирки колхозники обязаны были носить на шее. Кто противился этому, того немцы избивали палками и сажали в холодную. За утерю бирки или свидетельства расстреливали.

Немцы не считали нас за людей.

С раннего утра до позднего вечера заставляли работать на них. В зимнюю стужу гоняли нас копать мёрзлую землю, расчищать дороги и выполнять всякую другую тяжёлую работу. Работать приходилось под охраной. За малейшую передышку или разговор с соседом дюжий охранник избивал нас до полусмерти.

В деревне Климятино за невыполнение дневной нормы были избиты колхозницы Владимирова Зинаида и Пашеннова Евдокия, которые после этого долго болели. За работу немцы, конечно, никому не платили.

Подошла весна. Колхозные поля были безлюдны. Колхозники не хотели работать на поработителей. Тогда оккупанты силой погнали их в поле. Вооружённые гитлеровцы выгоняли людей из жилищ и гнали на полевые работы.

Уборка урожая проводилась также из-под палки. С колхозных полей и приусадебных участков колхозников урожай убирался сообща, в общий закром. Из этого урожая колхозники получили в самых лучших случаях до трёх пудов ржи на едока в год. Весь урожай немцы забирали себе. Люди были обречены на голодную смерть. За шесть месяцев в колхозе имени 1 Мая, Медведевского сельсовета, умерло от голода больше 40 человек.

У некоторых жителей уцелели коровы, но молока от этих коров крестьяне не пробовали. Местная комендатура обязывала владельцев

коров ежедневно сдавать по три литра молока на сливной пункт, остальное отбирали солдаты.

Там, где находились немецкие гарнизоны, колхозники жили в хлебах и амбарах, так как их хаты были заняты солдатами и лошадьми. Никто из жителей не имел права ходить по улицам своей деревни, а те, кто осмеливался выйти за пределы деревни, расстреливались на месте.

Расстреливали кого вздумается. Например, в деревне Сорокино колхозников Демченкова Дмитрия и Степченкова Ивана немцы расстреляли за то, что они не согласились стать старостами. Колхозница Кретьова была расстреляна за несвоевременный выход на работу. Многих колхозников расстреляли только за то, что их сыновья или родственники служат в Красной Армии.

ГИТЛЕРОВСКИЕ ЗВЕРИ

Рассказ колхозницы Дороницовой Александры Фёдоровны из деревни Ореховцы.

Захватив нашу деревню и разграбив её, немцы всех здоровых мужчин отправили неизвестно куда на работу. Взят был и мой муж, хотя он был болен. Спустя некоторое время я узнала с том, что мой муж находится в Вязьме в очень тяжёлом состоянии. Шли слухи, что больных якобы иногда отпускают. Вот я и решила как-нибудь добраться до Вязьмы и забрать оттуда мужа.

С большим трудом, всякими хитростями мне удалось попасть в Вязьму. Там я очень долго искала мужа, наконец через местных жителей нашла одно складское помещение, в котором находилась группа примерно в 65—70 человек.

Здесь были пленные красноармейцы и колхозники. Тот ужас, который я увидела, не поддаётся

описанию. Можно было с ума сойти, глядя на эту жуткую картину. Все эти люди были предоставлены самим себе, никто за ними не ухаживал. На чердаке, под крышей, где они находились, был невыносимый смрад от выделений. Стон, бред больных и смех некоторых сошедших с ума сливались в один ужасный гам. Никто их здесь не лечил, не кормил. Люди медленно умирали голодной смертью и от болезней.

Мне стало дурно от смрада и ужаса, который я увидела. Как я ни напрягала зрения, глядя на эти изуродованные человеческие тела, мужа узнать не могла. Тогда я начала громко называть его фамилию и имя.

После нескольких моих выкриков из левого угла приподнялся на локтях человек, вернее это был не человек, а скелет, обтянутый кожей, с ввалившимися глазами. Он на меня посмотрел сначала безразличным взглядом, а потом лицо его несколько ожило, глаза начали лихорадочно блестеть, и он, твердя моё имя, начал ползти ко мне, глядя всё время в мою сторону, как бы боясь, чтобы я не ушла.

Это была самая страшная картина, которую мне довелось когда-нибудь видеть. Ужас этот до сих пор меня не покидает.

Спасти мне дорогого Ваню так и не удалось, он умер через два дня там же, у меня на глазах.

В ФАШИСТСКОМ АДУ

Рассказ Марии Кулагиной, работницы совхоза имени Фрунзе, Смоленской области.

Трудно передать всё то, что пришлось мне видеть.

Всю жизнь буду помнить день 28 декабря

1941 г. Фашисты согнали жителей села Кукушкино в одно место и начали дикую расправу. К гражданке Кулихиной Пелагее, на руках у которой был девятимесячный ребёнок, подошёл немецкий офицер.

— Где твой муж? — спросил он.

— Не знаю, — ответила женщина.

Тогда офицер позвал солдат и пальцем указал на Пелагею. Солдаты схватили бедную женщину, отвели немного в сторону и вырвали из её рук ребёнка. С малютки сняли одеяльце и голого посадили на снег. Жуткая была картина. По всему селу разносился плач матери, на глазах у которой замерзал сын. А в это время немецкий офицер, держа в руках часы, улыбался, высчитывая минуты, за которые может замёрзнуть ребёнок. Ему это доставляло большое удовольствие. Ребёнок замёрз на глазах у матери, и ей не разрешили забрать даже мёртвого сына. Пелагея в беспамятстве закричала:

— Душегубы! Мой муж в Красной Армии. Он отомстит вам и за своего сына и за меня.

Раздался выстрел. Недалеко от замученного сына лежала окровавленная мать.

В эту ночь фашистские собаки расстреляли в Кукушкине ещё 8 колхозников, трупы которых также валялись на улице.

Я видела, как издеваются и надругаются фашисты над пленными красноармейцами. Помнится такой случай. Немцы перегоняли пленных красноармейцев из Дорогобужа в Смоленск.

Лица у пленных бойцов опухли от голода, почернели от мороза. Их ноги были полуголыми. Каждый нёс с собой или лошадиную ногу, или голову. Это было их пропитание. Женщины села вышли навстречу и хотели передать пленным красноармейцам хлеб. Заметив это, конвойные

фашистские автоматчики открыли огонь по женщинам.

В другом месте наши граждане, узнав, что через их село будут проходить пленные красноармейцы, рассыпали по дороге картофель, так как передать его было нельзя. Через час потянулись измученные и оборванные люди. Они набросились на картофель. Фашистские офицеры приказали открыть огонь. Кровью и трупами покрылась дорога.

Товарищи бойцы и командиры! Мстите, жестоко мстите врагу за кровь и слёзы наших людей. Истребляйте всех до единого фашистских людоедов!

КРАСНАЯ АРМИЯ СПАСЛА НАС

Рассказ Анатолия Осипова.

Деревня наша называлась Лазорево, Ковыневского сельсовета, Ржевского района. Немцы её сожгли. Брат мой работал в колхозе имени XVI годовщины Октября. Когда наступали немцы, я и много других жителей не успели уйти из деревни, а к тому же мы немца ещё не знали и потому не очень боялись.

В тот день, когда в деревню вошли фашисты, я был в лесу с матерью. Двадцать немецких солдат прямо в избе поймали нашу шестнадцатилетнюю сестру Дашу, изнасиловали её, потом отрезали ей груди, распороли живот и бросили в рожь. Когда мы с матерью пришли из лесу домой, сестра была уже мёртвой.

Потом немцы поймали мою маму. Они долго били её и всё спрашивали: «Где отец?» Мама сказала им, что отец в Красной Армии, что он командир и бьёт фашистов. Тогда маму за-

стрелили из автомата. Это было ещё в первые дни хозяйничанья немцев.

Через несколько дней немцы собрали в деревне всех мужчин и под конвоем угнали их строить укрепления в Ржеве. Через месяц наш односельчанин Алексеев убежал со строительства и рассказал страшные вещи. Один дот в Ржеве строили 280 колхозников. Работали они под побоями с четырёх часов утра до поздней ночи, а кормили их один раз в сутки — давали 200 граммов хлеба и литр картофельной похлёбки. Тех, кто, ослабев от голода, уже не мог работать, тут же на месте пристреливали. А когда дот построили, всех согнали к насыпи и расстреляли из пулемётов. Алексееву и ещё нескольким колхозникам удалось уползти в кусты и бежать. Но вскоре немцы поймали Алексеева в нашей деревне и повесили у его же дома на яблоне.

Мы мучились от голода, выкапывали из земли внутренности павших лошадей и ели их. Конина уже давно была съедена. Но вот троих ребят: меня, Ваню Уселкина и Галю Дроздову, взяли работать в пекарню. Правда, нам пригрозили, что если заметят, что мы едим хлеб, то нас повесят. Но нам уже было всё равно, и мы хоть понемножку, но ели хлеб.

Однажды нам пришлось ехать в Ржев за мукой. В городе, на улице имени Калинина, мы увидели страшную картину. Там на площади стоял раньше памятник Ленину. Теперь немцы его разбили, вставили рельс, в стык продёрнули длинный лом и на двух концах его повесили двух девушек. На сучьях берёз, окружавших памятник, тоже повесили мужчин и женщин. К ногам одного трупа была привязана доска с надписью: «Партизаны и их укрыватели».

В пекарне нам пришлось поработать недолго: нас немцы прогнали оттуда. С тех пор нам опять пришлось питаться падалью. Люди умирали. Из 90 женщин, стариков и детей, оставшихся в деревне, умерло от голода 60 человек. Когда подошло лето, мы начали собирать траву и варить её. Только этим и жили.

Как-то над нами пролетели советские самолёты и сбросили листовки с приказом товарища Сталина и портретом вождя. Мы подобрали эти листовки и бережно хранили их. Когда не было рядом немцев, мы читали их и подолгу смотрели на дорогое лицо великого человека. Мы верили в то, что он спасёт нас.

ЧТО ТВОРЯТ ГИТЛЕРОВСКИЕ РАБОВЛАДЕЛЬЦЫ НА УКРАИНЕ

*Рассказ учительницы Оксаны Дубенок из
Киевской области.*

В городах и сёлах оккупированных областей Украины появились немецкие вербовщики. Они предлагали местным жителям ехать на работу в Германию. Но охотников не нашлось.

Тогда гитлеровцы прибегли к своим излюбленным методам обмана, провокации и террора. В Киеве, Харькове, Сталино и других больших городах были открыты так называемые «биржи труда», ставшие по существу фашистскими рынками рабов.

В городе Сталино 6 тысяч человек получили повестки, в которых их приглашали явиться в определённый час к городской управе «для получения работы». Когда все собрались, немецкие солдаты оцепили площадь. Рабочим объявили, что они арестованы. Под конвоем их погнали

к вокзалу, погрузили в эшелоны и отправили в Германию.

Таким же образом были обмануты и отправлены в рабство на немецкие предприятия тысяча жителей города Харцызска, Сталинской области, 1 500 человек из города Кагановичи, Ворошиловградской области, и т. д.

Чтобы выполнить план поставки рабочих германской промышленности и сельскому хозяйству, фашисты систематически устраивают облавы. Так, например, в Харькове за короткое время произошло несколько таких облав на улицах, базарах, в садах. Всех забранных согнали в концентрационные лагеря и оттуда отправили в глубь Германии.

Туда же гонят и женщин. В Харькове был издан приказ немецкого командования, согласно которому все женщины в возрасте от 16 до 42 лет должны явиться для регистрации и отправки в немецкий тыл.

Несмотря на угрозы, люди не хотят покоряться поработителям. Неподаляку от Харьковского электромеханического завода рабочие вилами закололи агента «биржи труда».

На этих «биржах» немцы открыли поставки живого товара. Здесь идёт отбор молодых девушек для офицерских и солдатских публичных домов. Делается это так: вначале девушек отправляют на работу в качестве официанток. Через несколько дней их вызывает немецкий врач, приказывает раздеться догола и после осмотра объявляет:

— Вы зачисляетесь на службу в публичный дом.

Не помогают ни протесты, ни мольбы, ни слёзы. Остаётся одно из двух — либо удрать из города (что почти невозможно), либо, чтобы из-

Рабовладельцы

бежать позора, покончить жизнь самоубийством. Вот почему число самоубийств среди девушек растёт с каждым днём.

Немногим смельчакам, насильно увезённым в Германию, удалось бежать. Они рассказывают о кошмарных условиях, которые немцы создали для обращённых в рабство советских граждан.

От тяжёлой, изнурительной работы, длящейся по 14—16 часов в сутки, от голода в концлагерях ежедневно умирают сотни людей.

Такие же рабские условия труда введены гитлеровцами в оккупированных ими сельскохозяйственных районах. Так, например, в районах Сумской области по приказу комендатур для крестьян установлен 16-часовой рабочий день в помещичьих усадьбах. За первый невыход на работу с виновного взимается штраф в размере 500 рублей. За вторичный невыход его отправляют в концлагерь, а имущество конфискуют.

Восстанавливается помещичий строй. Например, в селе Интернациональное, в усадьбе бывшего земельного техника, поселился немецкий ставленник помещик Марков (племянник погромщика-черносотенца Маркова). Помещику передан отобранный у колхозников скот, водяная мельница, сельскохозяйственный инвентарь. Он эксплуатирует десятки батраков, вынуждая их работать без оплаты. В селе Бобрышев немцы повесили двух человек за невыход на работу. В селе Углы они за это же расстреляли рабочих сахарного завода Звягинцева и Дорохова. Трупы расстрелянных были затем повешены на телеграфных столбах с надписью: «Расстреляны за невыход на работу». На сахарном заводе имени Карла Либкнехта опоздало на работу двое подростков — Дичанский и Рыжков. За это их повесили.

Ежедневно сотни и тысячи людей, особенно в больших городах, оккупированных немцами, умирают от голода.

Украинский народ ведёт борьбу против фашистских поработителей. Оставшиеся в городах и сёлах жители саботируют мероприятия гитлеровских властей. Способные носить оружие идут в партизанские отряды, уничтожают немецких солдат, офицеров, убивают фашистских прихвостней, взрывают военные склады, разрушают линии связи.

Поля Украины зарастают бурьяном. Немцы признают, что в 1942 г. с полей Украины им пришлось собрать немного.

Украинцы живут надеждой на избавление от кровавого фашистского ига.

МЫ ВЫРВАЛИСЬ ИЗ ФАШИСТСКОГО ПЛЕНА

Рассказ Андрея Ревякина

Немцы ворвались в Краматорск. Опустели улицы. Люди боялись встречаться со знакомыми, соседями. Мы тоже почти не выходили из квартиры. Однажды к нам в дверь кто-то постучал. В квартиру ворвался гитлеровец из жандармского управления с переводчиком.

— Собирайся, быдло! — заревели немцы, указывая на меня и брата.

Мать догадалась, что затевается что-то недоброе, и зарыдала. Немец ударил её ногой.

Мы взяли мешки и пошли из дому. Возле городского театра уже было много юношей и девушек, их окружали полицейские и жандармы. Втолкнули немцы и нас в эту толпу. Кругом стояли матери, отцы, сёстры, братья. Вечером немцы разогнали родных, а нас выстроили и по-

гнали на вокзал. Там были приготовлены товарные вагоны с издевательской надписью: «Добровольцы на работу в Германию». Мы посмотрели на эти надписи и горько-горько стало на душе...

Ночью мы распрощались с Украиной, а через несколько дней мы были в городе Гляйвиц (Верхняя Силезия). Там нас загнали в какие-то бараки, огороженные в три ряда колючей проволокой. Пять дней мы ночевали здесь, зарываясь в солому. Потом нас разделили по группам и повели в село Логанно, возле которого размещён завод боеприпасов.

Мне 16 лет, однако я, как и взрослые, работал на заводе по 14 часов в сутки. За сутки давали нам крошечный кусочек эрзац-хлеба и тарелку какой-то бурды. Работа была тяжёлая. Мы с Петром носили болванки из формовочного цеха. Возьмём, бывало, болванку весом в 3—4 пуда и с ног падаем, а сзади идёт немец-мастер и кричит: «Скорее, скорее!»

Поднимаешься утром — и не в силах ни рукой, ни ногой двинуть. Весь я опух, еле двигался. Не мог я раз выйти на работу. Немцы учинили надо мной расправу: дали мне 25 розог. На заводе был такой порядок: кто в первый раз не выйдет на работу, тому 25 розог, кто вторично не выйдет — тюрьма. Из тюрьмы никто не возвращался — погибали в ней от истощения и побоев.

Заканчивалась работа, и нас под конвоем вели в бараки. Среди заключённых был один чех. Он помог мне, брату и ещё одному пленному вырваться из лагеря.

Два с половиной месяца мы шли пешком. Много горя в дороге натерпелись!.. Наш товарищ погиб от пули полицейского. Осенью 1942 г.

мы с братом возвратились в Краматорск. Три дня мы скрывались, но потом нас посадили в тюрьму. Кто знает, что было бы с нами, если бы не пришла Красная Армия!

НА КАТОРГЕ В БРАНДЕНБУРГЕ

Рассказ колхозника М. Ковалёва из деревни Добросли, Демянского района, Ленинградской области.

Ночью пришли ко мне в хату немцы, выволокли меня на улицу и бросили в грузовик. Там уже было полно людей. Нам сказали: «Поедете работать на германские заводы». Рыдала моя жена, плакали односельчане. Немцы угоняли людей почти из каждого дома.

Автомашина тронулась. Я поднял голову и хотел с милой сторонкой проститься. Сидящий в машине немец так хватил меня плетью, что я весь путь от Демянска до Старой Руссы не мог разогнуть шею. Этот немец всю дорогу хлестал кнутом то одного, то другого.

Вечером нас пригнали на станцию. Вижу, эшелон подан. На платформе люди громко рыдают; таких слёз за всю жизнь я не видывал.

Немецкие солдаты бегали по платформе и плетями загоняли людей в вагоны. Одна девушка, ещё совсем молоденькая, обхватив свой узелок, заливалась горькими слезами. Немец подбежал к ней и ударил резиновой дубинкой. Девушка упала. Немец бил её сапогом в живот, стегал плетью, потом взял её за ноги и волоком потянул в вагон. И многих так бросали в эшелон.

Поезд тронулся. Мы ехали в закованных наглухо вагонах. Прошло два дня, никто к нам не приходил. На третий день вагон открыли. Вошёл солдат с ружьём, поставил ведро с водой,

и опять нас закрыли. Везли нас шесть дней, и за это время ни одного раза не покормили. Питались кое-чем взятым из дома.

Рано утром в вагон зашли два немца и сказали, что нас привезли в город Бранденбург. Началась высадка из вагонов. Не все доехали. В нашем вагоне больше десяти человек умерло: кто от ран, нанесённых фашистами, а кто от истощения. Нас построили, сделали перекличку и погнали под конвоем. Люди еле плелись, а конвойные подгоняли их плетью и прикладами. Пришли к полю, кругом колючая проволока, а за ней бараки. Сюда нас и загнали. Разделили на партии по 15 человек и закрыли.

На второй день в барак пришли три здоровенных немца. В шляпах, брюки на-выпуск, сапоги начищены. У каждого плетёная за поясом и резиновая дубинка в руках. Один из них начал нас спрашивать, есть ли мастеровые. Записали наши фамилии и каждому повесили на шею номер.

— А что мы будем делать? — громко спросил стоявший рядом со мной пожилой мужчина.

Услышав это, немцы набросились на моего соседа, повалили его и начали стегать плетью. Наш товарищ кричал на весь барак, кровь сочилась из его ран, а немцы всё избивали его.

Тут мы поняли, что нам нельзя обращаться к немцам и нечего спрашивать у них. Каждый день они находили причину, чтобы поиздеваться над нами. Чуть свет в барак заходил охранник и во всю глотку кричал:

— Рус, на работу!

Через три минуты мы должны были уже стать в строй. Однажды один из наших русских заболел. Утром, когда раздалась команда, он не мог подняться. Немец схватил его за ноги и вытащил из барака, позвал второго охранни-

ка, и они начали пороть больного плетью. Окровавленный человек лежал и не шевелился. Немцы облили его водой. Он очнулся. Тогда его снова начали пороть...

Били нас постоянно. Ни одного дня не проходило, чтобы кто-либо из нас не получил оплеухи. То надсмотрщик ударит, то мастер изобьет, а то какой-либо охранник плетью исполосует.

А как нас кормили, об этом даже вспоминать страшно. Утром — кипяток без хлеба, короче говоря, чистая водичка. К обеду — ломтик хлеба и кружка болтушки вроде клейстера. А из чего она — из муки ли, крупы или из дерева, я не понял. Голодный всё съешь, хотя всё время тошнило от немецкого кушанья.

Целый месяц промытарился я в этом Бранденбурге, в лагере, обнесённом колючей проволокой, точно самая последняя скотина, замученная работой с утра до вечера. Ежедневно на моих глазах умирали русские люди. И со мной это случилось бы, но на моё счастье стар я и скоро инвалидом стал. Уже через месяц у меня отнялись ноги. Выжав из меня все соки, немцы полуживого выбросили меня вон. Два месяца добирался я на родину. Пока ехал по самой Германии, думал — умру с голоду. Совсем есть не давали. Еле жив остался и с большим трудом домой добрался.

Здесь меня вместе с другими освободила Красная Армия. Спасибо, сынки, что освободили из германской кабалы! Теперь я снова свободен. Снова счастье пришло. Но издевательства надо мной немцам никогда не прощу. Отомстите, сыны, за мои мученья, за мученья тысяч советских людей, угнанных в рабство к немцам.

ТЫСЯЧИ МОИХ СВЕРСТНИКОВ ЖДУТ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Рассказ Веры Панковой.

Когда началась война, я училась в школе, в седьмом классе. Немцы захватили Курск, и я была угнана в фашистское рабство в Германию, в Бланкенбург-Харц, недалеко от Берлина.

Уезжая, я была крепкой и цветущей девушкой, — казалось, никакие невзгоды не подорвут моего здоровья. Однако гитлеровская каторга довела меня до того, что во время работы я стала падать в обморок от голода и усталости.

В конце концов врачи определили, что к физическому труду я больше не годна. Меня отправили обратно. Родная мать не узнала меня, когда я явилась домой. Постоянное недоедание, изнурительная работа, побои немецких надсмотрщиков да и самого хозяина довели меня до полного изнеможения.

В Германии нам выдавали полтора килограмма отвратительного хлеба в неделю. Работала я в числе восемнадцати моих сверстниц и земляков на плантациях какого-то немца. Работа начиналась в шесть утра и по расписанию должна была заканчиваться в шесть вечера. Однако, когда мы приходили с поля, хозяин заставлял ещё работать у него во дворе: чистить свинарник, подравнивать клумбы, полоть огород и т. д. Об отдыхе нельзя было и мечтать. Даже ночью, во время сна, мы не отдыхали, так как поселили нас на чердаке холодного деревянного сарая, где были построены двухярусные нары.

После одной из ночей я встала и совершенно голодная отправилась на работу, потому что свой недельный паёк я с большим трудом рас-

тянула только на три дня. В тот день меня заставили собирать вишни. Подставив лесенку к дереву, я поднялась и принялась за работу. Голод мучил меня. Я съела несколько вишен. Это заметил надсмотрщик. Он сильно избил меня палкой, приговаривая: «Я отучу русских жуликов от воровства».

И больно мне было и обидно. Плюгавый немец бил да ещё называл воровкой. Заливаясь слезами, я снова принялась за работу. Не помню, как это произошло, но я упала с лестницы. При падении произошёл разрыв печени.

На родине такой случай был бы для меня огромным несчастьем, а здесь я восприняла свою болезнь как возможность возвращения домой. Подруги завидовали мне, называли «счастливицей», да и я считала своё положение значительно лучше их. Я получила возможность вернуться домой, а они были обречены на ужасное рабство.

Теперь я дома. Наш Курск снова советский. Я продолжаю прерванную учёбу, но ни на минуту не могу забыть тысяч моих сверстниц и сверстников, которые ждут своего избавления.

ЛАГЕРЬ РАБОВ

*Рассказ Вити Сечкина из села Малиновки,
Чугуевского района, Харьковской области.*

Дорогие товарищи! Красная Армия освободила нашу родную Малиновку, и вот я, как бы во второй раз родившись на свет, хочу описать всей советской молодёжи мои страшные переживания на немецкой каторге. Я был в далёком городе Вене и бежал обратно в Малиновку. Теперь благодаря Красной Армии вновь стал свободным.

Когда немцы заняли Харьковщину, они начали агитировать молодёжь и детей ехать в Германию. Но никто ехать не хотел, и немцы решили провести мобилизацию. Староста с полицейскими и с представителями немецкого командования ходили из хаты в хату и насильно отбирали детей у родителей. Ребята убегали в соседние сёла к родным и знакомым, прятались в степи, в подвалах, но всё-таки немцам удалось кое-кого поймать. Говорят, всего в нашем районе немцам удалось собрать 800 мальчиков и девушек. Забрали и меня. Я лично ехал с пятьюдесятью ребятами. Нас под конвоем загнали в помещение бывшего сельмага, который стоит в центре Малиновки. Сельмаг у немецких жандармов был вроде тюрьмы. Они его огородили двумя рядами колючей проволоки. Тут нас и держали, пока не подошёл поезд. Конечно, никакой медицинской комиссии мы не проходили, хотя были среди нас слабосильные.

Вот приходит к нам жандарм: «поехали!», говорит и гонит на вокзал. А на вокзале стоит полиция и не пускает родителей к детям. Мы все плачем, и родители тоже плачут.

Ехали мы долго. Сначала ехали через наши родные места и везде видели разрушения. Потом нас провезли через Польшу и Чехословакию и, как скотину, в закрытых вагонах довезли до Вены. Нигде не давали выйти, боялись, что мы разбежимся.

Приезжаем мы в Вену. Город большой, красивый. А нас гонят по городу пешком, как стадо. Загнали нас в бараки, огороженные колючей проволокой. Вокруг шагают с автоматами немцы. Пробыли мы тут долго. Приходили к нам разные люди и осматривали, как лошадей на базаре, выбирали себе рабочую силу. Кто уводит

больше, кто меньше. Нас отобрал какой-то толстяк в шляпе. Погнали нас всех пятьдесят. Из этого мы заключили, что нас берут на фабрику.

Так и вышло. Мы попали на бывшую музыкальную фабрику Гофман-Черн, которая теперь выделяет ящики для снарядов. Поместили нас в бараке во дворе фабрики, держали взаперти, выходить разрешалось только на работу.

Спали мы на общих двухэтажных нарах. Ходили все в своей одежде, в чём нас поймали. Все оборвались, стали, как нищие. Каждому на левой стороне одежды прицепили ярлык «Ост». По-немецки это значит, что мы с Востока, а в Германии считается так: кто с Востока — тот раб.

Работали мы очень и очень много, хотя все были несовершеннолетние. Утром нам давали 200 граммов хлеба на весь день и стакан какой-то бурды, которую немцы называли «кофе». В обед — суп из тыквы без хлеба, а вечером — опять стакан бурды без хлеба.

Нас всё время били. На фабрике был устроен специальный подвал. Если опоздаешь, например, на несколько минут на работу, тебя побьют и загонят в подвал. Били не только за провинность, били и просто так. Особенно зверствовал сын коменданта. Когда он проходил мимо русского мальчика, обязательно ударял ногой куда попало.

Всего я пробыл на фабрике два с половиной месяца. Я серьёзно заболел. Меня перевели в лагерь, где кормили ещё хуже. Я увидел, что если оставаться, значит — верная смерть. И вот, сговорившись с одним товарищем, убежал: за больными было меньше надзора.

Пробирались мы на Украину долго. Всё-таки нам посчастливилось: добрались до родины.

Дома меня никто не узнал — так сильно я похудел и постарел.

У нас в Малиновке осталось много семей, дети которых в Германии. Почти в каждой семье один или двое ребят на немецкой каторге.

Вот что я хотел рассказать про то, как меня везили в Вену.

ПАЛАЧИ

Рассказ Любои Матвеевко.

Дорогие товарищи! Я студентка Ростовского пединститута. Ростов — мой родной город. 23 июля 1942 г. немцы пришли в наш город. Уехать я не успела и была увезена в Германию. Я хочу, чтобы все советские люди, прежде всего войны Красной Армии, узнали о кошмаре, который мне, русской девушке, довелось пережить.

Утром 28 августа в наш полуразрушенный немецкой авиабомбой домик пришёл немецкий полицейский и приказал мне явиться на «биржу труда».

— Поедете добровольно в великую Германию, — ухмыляясь сказал он и захлопнул за собой дверь.

На бирже труда в назначенный день собралось десятки таких же, как я, «добровольцев».

Пришла моя очередь. При мне были справки о тяжёлом состоянии здоровья. Врач, бегло выслушав меня, сказал, что я здорова.

5 сентября 1942 г. Ведут по знакомым улицам на вокзал. Хочется целовать стены домов, обнимать деревья, прикоснуться горячим лбом к асфальту. Куда и зачем мы едем? Что нас ждёт?

Загнали нас в грязные телятники по 40 человек. Нар не было, и вонь страшная. Три дня мы

ничего не ели. Лишь на маленькой станции Мариновка нам дали по кружке супа и по 200 граммов хлеба.

Стучат колёса, надрывно кашляет Люда, худенькая, слабая девушка; обнявшись, сидят сёстры Гулевские, Оля и Надя. Оля тоже простудилась и всю дорогу страшно кашляла. Злобным огоньком горят глаза у Нины Авдеенко. Она всё время шепчет:

— Какой ужас... какой ужас...

В пути два мальчика из соседних вагонов, чтобы не сидеть в грязи, забрались на крышу вагона. Немецкие солдаты без предупреждения открыли по ним огонь. Два трупики упали на землю.

12 сентября днём мы приехали в Лодзь. Нас повели в баню.

Баню в Лодзи я никогда не забуду. Сколько издевательств мы, девушки, перенесли здесь! Мытьё было организовано так, что нам приходилось всё время быть нагими в присутствии немецких солдат. В присутствии одних раздеваться, другим сдавать вещи, третьим — номерок от вещей, а когда мы, наконец, очутились под душем, немцы бесцеремонно входили к нам, хватали девушек за головы и обливали какой-то противной жидкостью. У некоторых после этой процедуры начали выпадать волосы.

Вошли мы в баню в 2 часа дня, а вышли из неё в 12 часов ночи. В соседнем казарменном помещении легли спать, устроившись на каменном полу.

Утром, с тяжёлым сердцем, отупевшие от голодовок и издевательств, мы снова забрались в грязный вагон...

Тёмной ночью 15 сентября наш поезд прибыл в Вупперталь, город вблизи Кельна. Нас вывели

из вагона и долго водили по разным улицам, закоулкам: немцы хотели сбить нас с толку, чтобы мы не знали дороги к станции и лагерю. А лагерь находился в пяти минутах ходьбы от вокзала.

Никогда не забуду, как в темноте глухо загремел тяжёлый засов.

Пройдя через ворота, мы почувствовали, что идём по коридору, с двух сторон которого — высокий забор из колючей проволоки. Все так и ахнули. Нас привели в тюрьму.

Мы вошли в тёмный барак, в котором бегали огромные крысы.

На рассвете мы осмотрели свою тюрьму. Три ряда серых бараков, отгороженных один от другого высоким забором из колючей проволоки. Весь район обнесён высокой оградой с башнями для часовых на углах...

Нас опять повели на «комиссию».

Долго меня выстукивала немка, затем приказала стать в сторонку. Там уже стояла наша ростовчанка Рая Барышникова, полуслепая девушка. Нам двоим выдали жетон с буквой «Р». Это означало, как нам объяснили, «перекомиссию».

Всех моих подруг и друзей после комиссии перевели в другой барак. Два ряда колючей проволоки разделили меня с подругами. Нас двух поселили в бараке с больными. Тут находились опухшие от голода люди, измученные каторжным трудом на заводах, фабриках и шахтах Германии, не годные больше к труду. Много киевлян, харьковчан, донбассовцев, жителей Белоруссии. Страшные рассказы слышали мы от них. Работать заставляли их по пятнадцать-шестнадцать часов в сутки. Ни одной минуты не разрешалось отдохнуть.

Немецкие надсмотрщики набрасывались на них, избивали резиновыми дубинками. Многие не выдерживали, падали замертво. Жили они в сырых бараках, впроголодь, многие заболели тифом, цынгой. Были случаи сумасшествия.

Ежедневно в 10 часов утра нам давали за-вёрнутый в фабричную этикетку чёрный кирпичик весом в 250 граммов, который тюремщики называли «хлебом». Это были спрессованные испорченные отбросы.

Другое наше блюдо — «баланда» — дикая смесь из пареной репы, прогнившей капусты, бурака и воды. Всё это варилось в огромном котле — и сразу на четыре дня. На третий день эта жижа начинала окисляться, на поверхности появлялись пузырьки от брожения. Голодные, мы вынуждены были есть эту отраву. Многие заболевали дизентерией, умирали.

Прошло несколько дней. В одно туманное, мрачное утро я увидела картину, от которой хотелось закричать так громко, чтобы услышала родная страна, чтоб услышал мой брат — лётчик-орденоносец, старший лейтенант Иван Козяков...

Девушек и юношей построили в длинный ряд, и вот во дворе появились немцы в шляпах и дородные немки. Они подходили к девушкам и юношам, щупали их мускулы, заглядывали в рот, осматривали зубы...

Фабриканты, лавочники, шахтовладельцы, чиновники покупали наших девушек-ростовчанок, наших юношей и подростков. Тут же, во дворе, за столом, оформлялись документы о купле и продаже, подписывались какие-то бумаги, ставились печати. Мы позже узнали, что немцы продавали подростков и юношей за 18 марок, а девушек — за 15 марок...

Обрюзгший немец с красными, как у кролика, глазами купил Любу Клименко, Лену Суховезу и мою подругу Клару Березовскую. Высокая дородная немка, владелица какой-то фабрики, купила Марию Кислову, Надю Деревяненко, Пашу Кисель, Нону Дурову. 16-летнего Васю Папизненко, только недавно окончившего семилетку, 13-летнего школьника Толю Тюрина и многих других купил шахтовладелец. Наш друг, молодой врач Федя, был продан ему же.

В сопровождении полицейских, взвалив на себя свои вещи, тяжело поплелась скорбная колонна в несколько сот ростовчан, только что проданных в рабство.

Все дальнейшие события рисуются мне, как какой-то туманный кошмар. Мы покрылись коркой грязи, многие больные не могли встать с нар. Медицинской помощи, конечно, никому не оказывали.

17 октября я вернулась в Ростов вместе с партией тяжело больных. Здесь меня ждала повестка, в которой было написано, что после прохождения врачебной комиссии я буду опять отправлена в Германию. Но на этот раз мне удалось скрыться от немецких палачей.

ЧТО Я ПЕРЕЖИЛ В ДРЕЗДЕНЕ

Рассказ партизана П а в л а.

Это было в июле 1942 г. Я пас коров под Гавриловой слободой, Середино-Будского района, Сумской области. Вдруг откуда ни возьмись появилась вооружённая шайка мадьяр и полицейских. «Руки вверх!» — скомандовали они мне. Я приподнял руки и стал ждать смерти. За долгие месяцы немецкого господства я видел много страшных и беспричинных расправ фашистов и

знал, что мадьярам ничего не стоит убить человека ни за что.

Мадьяры долго издевались надо мной, но не убили, а просто погнали в С.-Буду. Туда уже были согнаны многие жители Старой Гуты, Новой Погощи, Горожанки и других сёл. Нас всех посадили в подвал, а наутро угнали на станцию, посадили в вагоны и под строгой охраной повезли в Германию.

О том, что нас везут в Германию, мы узнали только в Конотопе, когда нас пересадили в специальный эшелон, направлявшийся в Дрезден.

Сколько горя и мук пришлось перенести нам в пути, пока доехали мы до этого проклятого города голода и нищеты! В Конотопе нам дали немного хлеба. Больше мы не получали ни крошки пищи всю дорогу. Нам не давали даже глотка воды.

Немецкие патрульные — их было по два-три в каждом вагоне, — закрыв двери на замок, заперщали даже выглядывать в люки вагонов. Стоило человеку ночью зашуршать, как немцы поднимали стрельбу в потолок. На некоторых больших станциях мы слышали звуки оркестра. Как потом узнали, это немцы разыгрывали комедию торжественной встречи «добровольцев», едущих на работу в Германию. Это нас они выдавали за «добровольцев»! Нам в это время строго запрещалось даже подходить к люкам вагонов.

В Брест-Литовске полицейские вытащили из вагонов нашего эшелона 16 трупов несчастных украинцев, умерших от голода. Среди умерших было много женщин и детей. Вот какая это была страшная дорога. Но ещё больше ужасов увидели мы в гитлеровской Германии.

Как только нас привезли в Дрезден, всех

сразу, как стадо, под строгой охраной эсэсовцев угнали в концентрационный лагерь. На другой же день меня и моих товарищей погнали на одну из угольных шахт. Работать здесь приходилось по четырнадцать-пятнадцать часов в сутки. Условия труда — страшные. Надев на ноги двухкилограммовые деревянные ботинки, оборванные, измученные рабочие опускаются под землю и в душной, плохо вентилируемой шахте рубят уголь, не зная ни минуты передышки.

«Работай, работай, работай» — вот единственное слово, которое говорят русским и украинским рабам немецкие надсмотрщики. А если кто, выбившись из сил, попытается разогнуть спину, его надсмотрщики тут же жестоко избивают. На моих глазах проклятые изверги засекали в день по несколько человек. Били за всё: за усталость, за то, что не так поклонился «пану», за то, что плохо прошёл в строю...

Перерывов в работе для русских нет на предприятиях Германии. Только изредка, когда хозяйчик смилостивится, он разрешает постоять у забоя несколько минут. Платы за работу никакой не полагается. Работаешь ни за что, и над тобой же издеваются!

После работы нас под конвоем угоняли в концентрационный лагерь и запирали на замок, как преступников.

От такой каторжной жизни умирают десятки тысяч русских и украинцев. Проклятые немцы очень много наших людей угнали в свои лагеря. Мне удалось узнать, что в одном только Дрездене работало около сорока тысяч наших мужчин и женщин. Наверное теперь из них не осталось в живых и половины.

Немцы терпят большой урон от воздушных бомбардировок.

17 августа 1942 г. воздушная тревога была объявлена и в Дрездене. Немцы, которые охраняли нас, сразу же скрылись в бомбоубежище, а нас оставили в концлагерях под замками.

Мне удалось вырваться на родину из проклятого немецкого ада. Пройдя несколько врачебных комиссий, я добился разрешения на выезд обратно на Украину. Перед тем как отправить меня из Дрездена, меня вызвали в гестапо.

— Смотри,—сказали мне чиновники гестапо,—откроешь русским то, что ты видел, ты будешь казнён. Ты должен говорить, что у нас хорошо, что русские много зарабатывают и прилично едят.

Но я, вернувшись на Украину, не остался под гитлеровским ярмом. Я бежал в леса, после долгих приключений связался с партизанами и теперь сражаюсь в рядах народных мстителей против фашистов. Сейчас, вспоминая разговор с чиновниками гестапо в Дрездене, я хочу сказать им:

«Не будет по-вашему, проклятые изверги! Я не скрою правды о вас и о ваших порядках от своей родины и от своих земляков. Слушайте, мои соотечественники! Германия — тюрьма для народов всех оккупированных стран, а особенно для русских. Это я испытал лично на себе».
